

Эдуард АНАШКИН

Народный писатель России

*Моё седое поколение —
Оно особого каленья!
Особой выкладки и шага —
От Сталинграда до рейхстага!
Мы — старики, но мы и дети,
Мы и на том, и этом свете,
А духом все мы — сталинградцы,
Нам Богом велено держаться!*

Егор Исаев однополчанину
Михаилу Алексееву

В майские праздники пятый канал показал замечательный фильм по роману Михаила Алексева «Вишнёвый омут». Мало кто сегодня знает, что книге была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького.

Но есть и не менее замечательные, но незаслуженно забытые фильмы по произведениям писателя, вошедшие в классику отечественного кинематографа: «Журавушка» с Людмилой Чурсиной, «Русское поле» с Нонной Мордюковой, «Хлеб — имя существительное», «Ради нескольких строчек»...

Тёзка из «Вишнёвого омута»

У автора «Вишнёвого омута» я много бывал на даче в Переделкино. Как-то он мне рассказал:

— Самым дорогим для меня человеком после матери был дед Михаил Николаевич Алексеев. Он был старшим в нашем доме, я — самым младшим. И мы были полные тёзки и по имени, и по отчеству, и по фамилии. И любили друг друга. Когда я писал роман «Вишнёвый омут», то своего главного героя Михаила Аверьяновича Харламова почти в точности списал с деда Михаила. С деда началось в селе Монастырском павальное увлечение садами или, как сказали бы теперь, садоводством. Дедушкин сад был для нас, детей, мир волшебный. Мы росли в этом мире. И гибель сада в тридцатых годах — незаживающая рана в моём сердце. О том, как это произошло, и рассказано в «Вишнёвом омуте».

За автографом на дачу

Михаил Алексеев не был обижен славой. Герой Социалистического труда, академик двух академий, профессор МК ЮНЕСКО, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, лауреат Госпремии СССР, почётный гражданин Саратовской и Курской областей, десятки лет возглавлял центральный литературный журнал «Москва», состоял в руководящих органах Союза писателей СССР, автор 40 книг. Общий тираж его изданий — более двух миллионов экземпляров.

20 января 2002 года я решил повидать Михаила Николаевича на его даче. Я бы, возможно, никогда не осмелился, но меня убедила детская писательница Светлана Вьюгина:

— Эдуард Константинович, — сказала мне она, — вот вам книга Алексева «Мой Сталинград», изданная недавно в Москве, сходите к нему на дачу, познакомьтесь, возьмите автограф, не пожалеете.

Да и прозаик Ванцетти Чукреев её подержал.

Я отправился.

**Что ж ты, Галя, шаль
посадскую опустила на
глаза...**

Я узнал его сразу по многочисленным фотографиям в газетах и журналах.

Он протянул руку, чтобы поздороваться и произнёс:

— Проходи, земляк, в мой кабинет.

Через некоторое время на столе появилась початая бутылка водки «Гжелка», два стаканчика, хлеб, колбаса, горчица.

— Это у меня вторая жена — Татьяна, — объявил Михаил Николаевич про женщину, которая встретила меня у калитки и впустила в дом. — Первая, Галина Андреевна, была сестрой милосердия. Бывшая десятиклассница, хрупкая и тонкая, как тростинка, защищала Сталинград. Как медсестра несколько раз и меня спасала от смерти. Имела боевые награды: орден «Отечественной войны II степени» и медаль «За боевые заслуги». Вот уже два десятка лет, как ушла в мир иной, оставив двух дочерей — Наташу и Ларису. А когда была живой, подружившаяся с ней очень талантливая поэтесса Людмила Шикина посвятила ей вот это стихотворение:

Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза?
Где шинель твоя солдатская —
Злому врагу гроза?
Где пилотка — ломтик месяца
В окровавленном дыму?
То ли тополь в окнах мечется,
То ли память — не пойму.
За окошком ночь осенняя,
Ты глядишь в квадраты рам.
Небо звёздами усеяно,
Подсчитать бы,
Сколько ран —
Сколько ран тобой врачёвано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночёвано...
Так и будешь до утра
Всё глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?
Всё, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь
Отдала ты с верой чистою
И печалиться постой.
Веря в Жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонил тебя собой.

Шерше ля фам

Вскоре вошла хозяйка и попросила Михаила Николаевича к телефону. Он взял трубку, а я стал разглядывать кабинет.

Везде — книжные шкафы, забытые книгами. Слева от меня, на стене — картины, а в центре — икона на дереве, старинная.

По разговору Михаила Николаевича я понял, что он беседует с автором статьи «Возвращение огня» в газете «Российский писатель» Александром Дориним. Позже выяснится, что Алексеев переписывался с девушкой своей юности из уральского города Ирбита Ольгой Кондрашенко. И меня зацепила его фраза: «Если бы у меня эти письма с фронта были на руках, когда я писал «Мой Сталинград», то это был бы другой роман, ещё лучше...».

К Ольге мы ещё вернёмся, а пока, окончив телефонный разговор, Алексеев вер-

нулся к столу и подписал мне книгу «Мой Сталинград».

Драчуны на Волге

— Это я виноват в том, что в Саратове не выходил долгое время журнал «Волга», — сказал Михаил Николаевич. — После публикации моего романа «Драчуны» замечательный критик Михаил Лобанов написал статью «Освобождение». Я поспедействовал, чтобы она прошла в журнале «Волга». Статья была напечатана в десятом номере, и — началось!

В газете «Правда» появилась статья «Освобождение от чего?». Лобанова и меня как редактора журнала «Москва» вызывали в ЦК, нас стали разбирать на всевозможных собраниях, клеймили за национализм, за непонимание классовой борьбы. Особенно усердствовали заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро и литераторы В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, В. Дементьев. Главного редактора журнала Николая Палькина сняли с работы.

После этого журнал захирел и прекратил своё существование. А ведь был лучший в регионе, да и в России его с удовольствием выписывали.

Я сейчас сделал всё возможное, чтобы журнал возобновить, и губернатор мне обещал. Думаю, журнал будет жить.

Друг Николай Палькин

— Палькин — молодец, не сломался, нашёл себя в песенном творчестве.

Песни «У моей России очи голубые», «Что хотите, говорите», «Не ругай меня, мама», «Травушка-муравушка», «Полюбила на беду агронома» и другие на стихи Николая Егоровича входили в репертуар Ансамбля песни и пляски имени Александра Бабкиной. А сейчас в России, ближнем зарубежье и Европе звучит его песня «Соловьи России» в исполнении Николая Баскова. Песню «Тройка», музыку на которую написал Геннадий Заволокин, благодарные зрители слушали со слезами на глазах...

В 2000-х годах неоднократно транслировали на радио и телевидении песню «На тропинке, луной запорошенной» в исполнении хора под руководством Надежды Бабкиной. А сейчас в России, ближнем зарубежье и Европе звучит его песня «Соловьи России» в исполнении Николая Баскова. Песню «Тройка», музыку на которую написал Геннадий Заволокин, благодарные зрители слушали со слезами на глазах...

**Покажу, какие мы были
оккупанты!**

— Я уже говорил, что голова у меня ещё светлая: пишу новый роман — «Оккупанты». Покажу в нём, какие мы были оккупанты! Я шесть лет был «оккупантом» в

Австрии. Мы питались по карточкам, по таким же, что и наши люди в Советском Союзе, но умудрялись ещё от полученного пайка дать что-то и австрийским детям.

Я познакомился недавно с обжигающими документами в поверженном Берлине. Первый — 11 мая, два дня спустя после Победы. Военным советом фронта принято постановление № 063 «О снабжении продовольствием немецкого населения Берлина». А 31 мая — постановление № 080 «О снабжении молоком немецких детей в Берлине».

А в это время над Дунаем возрождались заново отстроенные мосты на месте рухнувших, которые, кстати, разбомбили не мы, а наши союзники. У них было больше самолётов, и они совершали такие налёты, что целые кварталы в Вене исчезли. Нам пришлось их восстанавливать.

Вот какие мы были оккупанты!

Алексеевские грибные места

Шёл мелкий нудный дождь, но на улице было тепло. Калитка была открыта: меня ждали. Очистив туфли от налипшей мокрой грязи на веранде, я зашёл в дом. Михаил Николаевич в фартуке что-то делал на кухне. Как оказалось, варил и солил грибы, собранные на даче. Жены дома не было — уехала в Крым.

— Книгу я твою получил. Хорошая. Удачное название «Запрягу судьбу я в санки». По этому поводу надо вышить. Мне подарили настоящий французский коньяк, его и попробуем. Правда, закуска не для коньяка, но мы же — русские люди и закуска будет соответствующая: сходи-ка, земляк, нарви свежего лучка!

— Чем нарезать-то Михаил Николаевич?

— Да ты что, не деревенский мужик? Нащипи руками — и все дела.

На столе появились две рюмки. Выпили за мою книгу. Хозяин угощал грибами, приговаривая: «Как грибочки?».

— Ты, Эдуард Константинович, закусывай, не стесняйся, — говорил Михаил Николаевич, пододвигая ко мне то колбасу, то грибы. Сам же, взяв кусок чёрного хлеба, намазал его горчицей, и обмакнув в соль зелёный лук, с аппетитом отведать закуску.

— Ты заметил, — сказал он мне, — что дачи в Переделкино не сельскохозяйственные, а для творческой работы? А я немножко нарушил эту традицию, вскопал грядку, посадил лучок. Так и ел бы его: выращенный своими руками, он вкуснее в сто раз покупного.

— А вы мне хотели грибные места показать!

Он кивнул, и мы отправились по тропинке, несмотря на дождичек, а потом ушли влево от неё. Алексева часто повторял: «Осторожно!». А когда я поинтересовался, почему, ответ ошеломил: «Да ты,